

Другие книги серии
АЗБУКА.ГОЛОСА

Валерий Шпякин

0,5

Владимир Березин

СНТ

Екатерина Какурина

МАРКЕТОЛОГ ОТ БОГА

Марина Чуфистова

ЙАЛКА

Анна
Линская
Кафе смерти

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л1 59

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-26089-4

© А. Д. Линская, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Глава 0:

Любой месяц любого года. Марина

Наша дорога заветрилась, покрылась морщинами, согнулась пополам. Мы приедем завтра. Я веду машину, позднее утро, холодный воздух поднимает волосы, дергает, злится, как озлобившийся старик. Посматриваю то на нее, сидящую справа, то вперед, и обе картинка сходятся в одну. Одна: низкое небо, тусклые, будто замазанные белилами цвета, серые комья земли, потом — поле и уходящая в черный полоска леса на горизонте. И вторая: россыпь родинок у нее на шее, как у меня. Как у Лизы. Такие же, как у нашей мамы на засвеченной летней карточке, на которой ей, как мне сейчас, — чуть больше тридцати.

Посмотреть на зимний кружок солнца дольше нужного, закрыть глаза, и в темноте проступит белый шар. Одно просвечивает сквозь другое. Машина, ее маленький локоть в треугольнике зимнего света.

Мы позавтракали яичницей с кучкой пережаренного коричневого лука. Официантка принесла белый кофейник с потрескавшимся носиком и ушла за чашками. Вся она была перетянута: тесемками фартука, резинками белья под платьем в желтый горох, облегающем крупные бедра. Дверь на кухню хлопнула, и через пару секунд мы услышали позвякивание. На мгновение показалось, что это дребезжание доносится изнутри ее перетянутого тела, что где-то там священная пустота без запахов и вкусов, и в этой пустоте белая фарфоровая чашечка нетерпеливо подпрыгивает на блюде.

В машину мы взяли пару промасленных кульков, густо пахнущих сыром. С самого завтрака мы не разговаривали. Руль нагревался под моей ладонью, ладонь потела, я чувствовала, что на рубашке, прилипшей к спине, расходятся влажные пятна.

Запах сыра смешался с потом, с задних сидений тянуло кислым. Мы обе зачем-то тащили домой своих мертвых, они забились в багажник, утрамбовали белые лица в бардачок, разложили тела по свободным местам. Если бросить взгляд в зеркало заднего вида, там окажутся знакомые подернутые белой пленкой глаза. Но я не буду.

Я уже почти поняла: от мертвых не избавиться. Просто живых должно быть больше.

Глава 1:

Октябрь. Марина

Зачем-то побежала к закрывающимся дверям лифта, зачем-то крикнула: *подождите!* Успела. Библиотека старая, обшарпанная, а лифт новенький, даже зеркало целое. И никаких засохших подтеков слюны, как в моем. Я зашла, мальчонка справа отшатнулся. Медленно опустила подбородок и принялась — нет, вроде не пахну. Загорелась кнопка третьего этажа, все вышли, и я заметила, что мальчик на самом деле девочка, коротко стриженная, невысокая, в слишком большой для нее одежде. Она мельком глянула на меня и улыбнулась. Знакомое лицо.

Я не собиралась ничего рассказывать. Не собиралась, когда проснулась утром, посмотрела в окно и обнаружила там все тот же старый и мокрый октябрь. Не собиралась, пока медленно и тщательно, как и всегда, чистила зубы, пока снимала когда-то белую, а теперь желтоватую ночнушку, неудобно, через

голову, задевая очки. Думала, что приду помолчать, посижу где-нибудь в углу. Я, кажется, вообще не понимала, зачем туда иду.

А угла и не оказалось. Стулья стояли кругом, как у анонимных алкоголиков. Тут не спрячешься, все равно придется на кого-то смотреть. Напротив сидел грузный мужчина, полоска его белого живота между футболкой и джинсами разглядывала меня в ответ. Я отвернулась и зацепилась взглядом, точно крючком, за девочку-мальчика — свежее, плотное яблочко; когда в такое впиваются зубами, слышен приятный звонкий хруст разрывающегося яблочного тела.

Когда-то я вышла на кухню — другую кухню и в другом доме, маленькую, с линолеумом, зеленым гарнитуром и Иисусом Христом на стене — посмотрела в глаза маме. А глаза-то постарели. Вот так, в один день. Я хотела написать об этом сестре, но не стала. Теперь каждое утро после того, как почищу зубы, я внимательно рассматриваю свои глаза. Иногда кажется, что в зеркале кто-то другой. Из школьных лет я почти ничего не помню, но иногда всплывают обрывки, вот, например: некоторые животные могут посмотреть в зеркало и понять, что перед ними отражение. Это значит, что у них есть сознание. А где сознание, там и бессмертная животная душа. Я смотрю в зеркало каждый

день и уже почти не узнаю того, кто смотрит на меня оттуда.

Я не собиралась ничего рассказывать, но мама сама присела на соседний стул. Я смотрела на девочку с молодыми глазами. И старалась не глядеть на сидящую рядом маму — с глазами старыми, будто на иконе кто-то замазал лицо Богородице белой краской.

— Ну что, начнем, пожалуй? — (У женщины на груди бейджик, не разглядеть, что написано. Видимо, главная тут.) — Кто сегодня первый раз в кафе смерти?

Девочка подняла руку, следом я и мужчина с животом.

— Трое! — И она пересказала то, что я уже прочитала в брошюре.

Это не секта и не группа поддержки. Это место встречи людей, которые хотят поговорить о смерти. Хочу ли я говорить о смерти? Я скосила глаза вправо — мамы не было. Женщина с бейджиком тем временем закончила представление и задала всем вопрос: что такое хорошая смерть?

— Главное, в штаны не надуть, — ответил мужчина с животом.

Время шло, я сидела молча, слушала, чесалась, закидывала ногу на ногу. Говорили о достойной и недостойной смерти. Тот, с животом, шутил, но как-то натянуто, так,

что всем все было понятно. Часы отстукивали свое, в комнате становилось душно. Воздуха хотелось, как холодной воды. Мама больше не появлялась.

На улице уже стоял вечер, когда мы закончили. Я закурила и кивнула девочке, которая вышла из библиотеки, закутавшись в легкую куртку.

— А что там было на стуле? — спросила она.

Сигарета упала, и я вздрогнула. Может, наоборот — я вздрогнула и она упала. Шикнула раз и затихла в луже. Девочка смотрела на меня спокойно и чисто, мне даже показалось, что на меня так уже смотрели когда-то, но очень давно.

— Где?

— На встрече, вы всё косились на пустой стул.

— Мама. — Я сама удивилась своей откровенности.

— Понятно.

Надо же.

* * *

С Кариной мы познакомились, когда мне было лет шесть, а Лизе — десять. До школы мы жили на Должанке в летнем домике знакомых отца. Сосновые иголки мешались с песком, ветви облепихи опускались к зем-

ле под весом ягод, полоска земли сужалась, пока от нее не оставался только узкий песчаный проход — коса. Песочная косичка, как бы дернуть за нее. Наши матери понемногу превращались одна в другую, одинаково медленно вытирали испачканные в тесте руки о передник и звали нас Каринка-Маринка. Первый раз в жизни меня увело в сторону, оторвало от старшей правильной Лизы, прибило к другой воде. Я больше не была довеском, не была: *Лиза, возьми с собой Марину* — была частью чего-то нового, блестящего, пахнущего орехом и конфетами, копающегося со мной в земле, с хохотом убегающего от червяков, зажатых у меня в кулаке.

«Каринка-Маринка», — бывало, кричит Каринина мама, зовет ужинать. И через полминуты: «Маринка-Каринка» — это уже моя кричит, и голос ее несется с крыльца в поле, поверх наших торчащих макушек, одной русой, моей, и одной смольной, Карининой, летит над нами и мимо нас. И тогда в лесу что-то начинает ворочаться, переваливается с одного бока на другой, катится сквозь молодой подлесок, оставляя за собой клочья мха и вывернутые грибницы. Надо успеть домой первыми, чтобы быстро заглотить горячий суп, собрать в карман разваренную и отдавшую воде свой цвет морковь, вынести ее и кинуть в лес — пусть то, что там ворочается, тоже поест и успокоится.

С Кариной мы все лето играли в сыщиц после того, как посмотрели у соседки тети Маши — единственной на всю округу обладательницы пузатого телевизора — фильм про Шерлока Холмса.

У нас был прозрачный пакетик с застежкой-молнией, настоящая драгоценность. В него мы аккуратно складывали вещественные доказательства с мест преступлений. Ветку с оставшимся на сломе пушком рядом с мертвым птенцом, найденным прямо на кромке леса. Или краску с забора соседнего дома, в котором без следа пропало три курицы. Преступления оставались нераскрытыми, но мне нравился сбор доказательств.

Сейчас я уже поняла, мне жизненно необходимо дробить любое большое на маленькое. Большое преступление — соседский кот Кузя сожрал птенца сойки, выпавшего из гнезда. Раздроби, и уже можно прожевать, и уже не страшно. След в земле, примятый куст, пустое гнездо.

Однажды мы успели до того, как все случилось. Он сидел под деревом и разевал желтый рот, весь мокрый, наполовину только в перьях, сквозь которые просвечивала розовая кожица в мурашках. Птенец шевельнул крылом, оно тут же раскрылось и осталось лежать на земле. Карина поморщилась.

— Это что с ним?

От звука ее голоса птенец вздрогнул.

— Упал, наверное. — Мы обе задрали голову.

Гнезда не видно. В этой части леса уже пахнет морем и стволы тоненькие, деревья поднимаются на цыпочках, чтобы дотянуться до голубого, ветви растут сразу в небо, перпендикулярно земле.

Птенец попытался сложить крыло, но оно только больше развалилось.

Мы забрали его с собой — лечить. Несли, завернутого в мой носовой платок с вышитой на уголке буквой М; мама говорила, что М — это Марина, но я-то знала, что нет. По дороге мне на секунду показалось, что птичье тельце в платке начало плакать, и я подумала чужую, внешнюю какую-то мысль: он, наверное, не хочет умирать далеко от дома. Обернулась, чтобы сказать об этом Карине, и увидела, как она, отвернувшись, вытирает щеки рукавом.

Мы положили птенца в обувную коробку в коридоре, по дороге платок пропитался желтым, и я брезгливо оставила его там же.

Суп горячий! Лиза ест медленно, дует на каждую ложку, косится на нас, поправляет аккуратно заплетенную косичку, перекладывает с правого плеча на левое. А я ерзаю,

вытягиваю голову, смотрю на Карину — та тоже не может усидеть. Над губой капельки пота. Заглотили за несколько минут, на нёбе тут же отошла кожица, ну и пусть.

Лечили птенца йодом из маминой аптечки и перевязывали крыло платком. Сначала мазали, потом вязали. Таскали со стола куски салата, картофелины и вареные яйца, клали туда же, в коробку. Они там прели. Кажется, как и наш птенец. Через несколько дней его нашла Лиза. Отнесла маме. Мама, конечно, сказала выбросить немедленно.

Мы вынесли его тем же вечером на улицу. Карина посадила птенца на ветку, вернее, положила как есть, с перевязанным крылом. На следующий день его там не было. *Улетел, наверное*, сказала мама. С Лизой после этого я не разговаривала две недели.

* * *

Мама хотела мальчика. Уже потом, много лет спустя, в нашей маленькой квартире в Сокольниках она мне призналась — в полудреме, в которой находилась половину, а то и больше, каждого дня своей жизни после операции. Может, она и не мне рассказывала это, а кому-то другому. Я часто смотрела на нее и думала: кого она сейчас видит?

А тогда я этого, конечно, не знала. Это был мой день рождения. Я потом посчита-

ла, что мне исполнялось пять лет. Мама замешивала тесто своими сильными молодыми руками. Вверх-вниз, надавить, раскатать. Тесто двигалось как живое, это мама оживляла его — вверх-вниз, надавить, раскатать.

На нас с Лизой надели фартучки, маленькие, красивые. Лиза резала яблоки на ровные белые дольки, а я наблюдала снизу, положив голову на руки. Снизу мама выглядит еще крепче. Ее синий передник только постиран, чистый, плотный. На кухне тепло. За окном — вечер, но не такой, как сейчас, промозглый. За окном вечер всех оттенков синего — от маминого передника до гуаши из Лизиного школьного набора.

Мама ставит пирог в духовку, и это значит, что скоро мы выйдем в этот синий вечер, будет пахнуть печеными яблоками и сладким тестом, мама завернет меня в колючее одеяло, мы сядем на веранде, мотыльки будут лететь на наш свет и биться о стекло фонаря. И папа должен вот-вот вернуться, тогда он поднимет меня — схватит под мышками, как я не люблю, потому что больно, — и скажет, *с днем рождения, Маринка.*

— Мам, сколько мне лет?

— Пять, — ответила Лиза.

— Нет, не ты. — (Лиза называет мой возраст так, что я сразу чувствую свою отдельность.) — Пусть мама скажет.

Я постоянно спрашивала у мамы про свой возраст, его нельзя было пощупать, и я без конца в нем терялась. Или он терялся, а я все время находилась в какой-то подвешенной настоящести. Мне нравилось спрашивать именно маму — я чувствовала, что мы с ней связаны этим знанием, чувствовала, как она прикалывает меня к плотной и глянцевой, как цветной картон, реальности, когда говорит:

— Тебе четыре, а через, — мама глянула на стену, где висели часы, — через час и срок минут тебе исполнится пять.

— Пять лет?

— Ну да, будешь взрослая, как Лиза.

Лиза посмотрела в мою сторону и поджала губы.

— А ты взрослая, мама? — (Она засмеялась.) — А что ты делала, когда тебе было пять?

Мама почесала лоб. Там осталась белая мучная полоса.

— Пирогов точно не было.

— А что было? — Лиза потянула ее за завязку на фартуке.

— Холодно! Холодно было ужасно, мои мама и папа жили в Кузне, а дома была настоящая печь с дровами...

Мама еще что-то говорила, но я уже не слушала. Папа задерживался. Я полулежа-

ла на столе и ждала, когда все начнется: мой праздник, мой пирог, мой синий вечер, мой папа и — главное — моя мама. Сегодня всё мое. Не общее наше с Лизой, не делящееся пополам, а мое.

— Мам, ты чего?

Она сложилась пополам и схватилась за живот. Руки все еще в тесте, на синем фартуке остались следы.

Мама медленно выпрямилась и посмотрела на меня и сквозь — на лице что-то, чего я никогда не видела раньше. Хлопнула входная дверь, и на весь дом раздалось гулкое и громкое папино *Маринка-а-а*. Мама вздрогнула и, как есть, согнутая пополам с руками на животе, убежала в ванную. Там, где она стояла, остался крошечный, почти незаметный кровавый след. Я испугалась, что его увидит папа, быстро соскочила со стула и растерла голый ступней. Лиза только смотрела на меня, и ее глаза с каждой секундой становились все больше, заняли все лицо, потом комнату. Вошел папа. Большой, веселый, холодными руками взял меня под мышки, поднял, но не успел ничего сказать.

— Миша, Миша, — из ванной.

И папа побежал.

Пирог сгорел.

Потом уже мама рассказала, что хотела назвать его Мариком. Она так и обращалась к нему по имени до самого конца, как будто все же его родила. Марик с нами остался, а вот папа через год переехал из маминой спальни сначала во временку во дворе, потом к тете Марине на соседнюю улицу, а потом и вовсе исчез из города. Как будто и не было никого. Как будто его тоже кто-то стер с пола голой пяткой, как каплю крови.

* * *

Когда мы познакомились, мне было семнадцать. Вячеслав Игоревич для всех, для нас — Славочка, славный Славочка, сла-дость, сла-бость, слюда в глазах, слезы, служить, слушать, сломать-ся. В семнадцать я коротко стригла волосы, и они вечно торчали в разные стороны. Славочке было тридцать шесть, и он говорил с кафедры, показывая на нас рукой, что приходится читать детскую психологию — детям же. Рассказал потом, что сразу меня заметил и прозвал про себя барашком. Я смеялась, не барашком, а паршивой овцой.

Было в нем что-то мальчишеское, да и сам он был худым, высоким, волосы на глаза падают, пиджак висит, как на десятикласснике на школьной дискотеке. Только в отличие от моих однокурсников, вчерашних десятиклассников, он читал на англий-

ском, говорил про будущее, и пахло от него не дешевым одеколоном, а чем-то терпким, женским.

Это был закрытый клуб, войти в который можно было только по особому Славочкиному приглашению. Я так и не поняла, за что оно досталось мне. Почему им — понятно. Светловолосая Оленька, все у нее как у ребенка: губы, руки, шея — мужчины-преподаватели от такой ничего не ждут. Мне нужно неделями штудировать учебники из дополнительных списков, чтобы сформулировать ту мысль, которая дается ей быстро, легко, гладко, на первом же вдохе. Маша из параллельного потока, маленькая, бойкая, бесстрашно говорящая то, что думает, за что неоднократно бывала почти отчислена, и это *почти* не доходило до *отчислена* только стараниями Славочки. Остальные, цвет университета. А что я? Я много раз себя спрашивала. Пыталась вспомнить каждое слово, сказанное на его занятиях, каждый взгляд в коридорах. Ничего. Но все же как-то после его пары под шум, смех, сборы сумок прозвучало: *Марина, а задержитесь с нами на пять минут*. Я уже знала, что это значит. Сердце выросло, заняло всю грудную клетку и застучало дальше — в руках, ногах, пальцах. Я поправила волосы, посмотрела в пол, кивнула.

Обычно мы оставались в аудитории, ждали, пока все уйдут, пока не выветрится их

Линская А.

Л 59 Кафе смерти : роман / Анна Линская. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 256 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-26089-4

Марина посещает «кафе смерти» — своеобразный клуб, где, поделившись своей историей и мыслями, люди могут облегчить боль от утраты близкого. Недавно у Марины умерла мама.

В прошлом она отказалась от своих амбиций, ушла из университета, где собиралась писать диссертацию. Поняв, что без работы долго не продержится, Марина устроилась в школу лаборанткой. Работа позволяет ей забыть. Все, что она делает после смерти матери, — пытается забыть. А еще — вспомнить...

Когда Марине исполнилось пять, ее семья переехала в небольшой южный город. Там Марина познакомилась с Кариной, и девочки сразу же стали не разлей вода. Даже матери звали их обеих «Маринка-Каринка», а Лиза, старшая сестра Марины, ужасно ревновала ее к новой подруге. Школа, прогулки в лес, на пути к которому нужно миновать дом соседки-ведьмы бабы Нино; нестрашные детские тайны. Девочки выросли, строили планы на жизнь, а тайны становились все более роковыми: однажды Марина узнала, что ее старшая сестра беременна. Марину увезли в Москву, Лиза осталась на перроне, связь с Кариной постепенно истончилась.

Спустя пятнадцать лет на пороге Мариной квартиры появляется девочка. Она очень похожа на кого-то, но на кого? На Карину, Лизу, маму или на нее саму?..

«Кафе смерти» — яркий образец современного женского письма. Исследуя уже традиционные для этого пласта литературы темы (смерть, телесность, отношения с матерью и другими женщинами), Анна Линская создает абсолютно свое, ни на чье не похожее литературное пространство, где героини бесконечно отражаются друг в друге, как в зеркальном лабиринте. А читатель (ница) — в них самих.

Анна Линская — выпускница магистерской программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Публиковалась в сборниках и журналах «Пашня-4», The Manifest-Station, «Юность», Autovirus. Преподает в Creative Writing School.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рое-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АННА ДМИТРИЕВНА ЛИНСКАЯ
КАФЕ СМЕРТИ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Редактор Анастасия Каркачева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.08.2024.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 11,92. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru
Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-35069-01-R